УДК 82.091
DOI: 10.17223/19986645/63/12

В.С. Киселев

ДЕТСКИЕ ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА К В.А. ЖУКОВСКОМУ: ОБЗОР, ПУБЛИКАЦИЯ, КОММЕНТАРИЙ[1]

Предпринимается обзор ранее неизвестных писем великого князя Александра Николаевича к своему наставнику поэту В.А. Жуковскому. Они позволяют впервые в полном объеме реконструировать характер эпистолярного диалога учителя и царственного ученика. Описываются состав и хронология писем, их тематика и этикетные формы. В статье публикуются с развернутым научным комментарием 10 детских писем великого князя 1826–1833 гг., а также 1 письмо к В.А. Жуковскому К.К. Мёрдера, воспитателя цесаревича.

Ключевые слова: *русская литература, русская эпистолярная культура, переписка, текстологическая подготовка, научный комментарий, великий князь Александр Николаевич, В.А. Жуковский.*

Переписка В.А. Жуковского с великим князем Александром Николаевичем, длившаяся 26 лет (с 1826 по 1852 г.) и включившая более 150 выявленных на сегодняшний день писем, составляет значительную часть эпистолярного наследия поэта. Ее важность определяется и ключевой ролью отношений с наследником престола в жизни Жуковского, и принципиальностью обсуждаемых тем, личных, творческих, общественно-исторических. Это тонко почувствовал П.А. Вяземский, подчеркнув в 1867 г. при публикации писем поэта к великому князю Константину Николаевичу: «<…> настоящие письма вносят новые сокровища в литературу нашу и новый свет в область нашего гражданского быта» [1. С. 1387].

В общении с цесаревичем Жуковский представал в нескольких ипостасях, которые в истоках своих определялись отношениями наставника и воспитанника. 13 лет – с момента начала обучения в 1826 г. до завершения заграничного путешествия в 1839 г. – поэт стремился образовать ум и душу великого князя и как наследника престола, и как человека. Эта «царская педагогика» в ее эпистолярной форме строилась главным образом на доверительном общении, на заинтересованном вовлечении цесаревича в круг исторических, нравственно-философских и эстетических убеждений Жуковского. После того как образование Александра Николаевича закончилось и поэт покинул официальную должность, отношения учителя и ученика приобрели семейно-дружеский характер, осложненный, безуслов-

[1] Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

но, особым статусом члена царствующей фамилии. В эти годы, особенно в период жизни Жуковского в Германии, поэт часто обращался к цесаревичу как к посреднику и ходатаю перед лицом императора и по личным вопросам, важнейшим из которых стало продление права пребывания за границей, и в плане обсуждения идеологически значимых тем, особенно в 1848–1852 гг., и в поддержке творческих планов, художественных и публицистических. Письма этого периода самые развернутые и многочисленные (3/4 всего корпуса корреспонденции).

Они были предоставлены некой «царственной рукой» и впервые опубликованы П.И. Бартеневым в журнале «Русский архив» в 1883 г. (до 1847 г.) [1. № 1. С. 1–32; № 3. С. 33–56; № 4. С. 57–160] и в 1885 г. (1848–1850 гг.) [1. № 1. С. 7–19; № 2. С. 243–272; № 4. С. 526–540; № 7. С. 337–370], где сопровождались краткими комментариями. В том же виде письма из этого собрания, с некоторыми исключениями, были перепечатаны П.А. Ефремовым в составе шестого тома Сочинений 1885 г. (до 1849 г.) [2. С. 375–599]. Их общий корпус включал около 100 текстов. В процессе подготовки материалов для эпистолярных томов Полного собрания сочинений и писем Жуковского (т. 15–20) [3] нами были найдены автографы практически всех опубликованных писем, большая часть которых хранится в собрании Зимнего дворца ГА РФ. Обнаруженные рукописи хранят следы редакторской подготовки П.И. Бартенева, осуществлявшего разбор текста. Как выяснилось, письма публиковались с большими купюрами (в автографах отмечены карандашными отчеркиваниями), в отдельных случаях превращавшими развернутый текст в короткую записку. Самому значительному сокращению подверглись фрагменты с описанием бытовых подробностей из жизни Жуковского и его многочисленных просьб к великому князю. Кроме того, многие письма остались неопубликованными (более 50 автографов). Половину из них мы уже опубликовали в комплексе наших статей последних лет [4–7].

В этих обстоятельствах новой актуальной задачей стало обнаружение ответных писем великого князя, без которых письма Жуковского представали как развернутый эпистолярный монолог с неизвестным влиянием (или отсутствием влияния) на адресата.

Автографы двух единственных опубликованных П.И. Бартеневым писем цесаревича от 23 августа 1826 г. и 31 января 1827 г. [8. С. 498, 502] хранились в РО ИРЛИ, в онегинском собрании. В результате проверки архивной единицы к ним добавились еще два письма – лаконичное поздравление с днем рождения от 29 января 1826 г. и более любопытное письмо от 27 февраля / 11 марта 1845 г., где цесаревич передавал поэту слова императора: «Скажи Жуковскому, чтобы он не беспокоился о будущности своей жены и детей, я их присмотрю» [9. Л. 7–7 об.].

Последнее позволило сделать важный вывод. После смерти Жуковского и перемещения его архива в Россию наследники, вероятно П.В. Жуковский, вернули письма цесаревича автору, оставив, однако, себе три детских наивных письма и письмо-гарантию, скрепленное обещанием теперь уже

двух императоров. Это заставило вновь обратиться к поиску личных архивов Александра II. С этой целью были фронтально просмотрены все описи ГА РФ, где в основном сейчас хранятся бумаги царствующих особ, включая собрание Зимнего дворца, что принесло скудный результат в виде черновика одного письма цесаревича от 1/12 ноября 1832 г.

Единственным возможным местом хранения оставался РГАДА (ранее Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР, ГАФКЭ, ЦГАДА), где с 1926 по 1961 г. хранились материалы Романовых (потом были переданы в ЦГИАМ, ныне ГА РФ), но просмотр разрядов с личной корреспонденцией царствующих особ (разряды были сформированы еще в дореволюционное время) не привел к успеху, и только обращение к пятому разряду «Переписка высочайших особ с частными лицами» дало результат. У описи данного разряда обнаружилось дополнение, сформированное уже в советское время. На последней странице «Дополнений» значились 49 писем великого князя к Жуковскому за 1828–1852 гг. Как выяснилось при расшифровке, одно письмо принадлежало К.К. Мёрдеру (включено в настоящую публикацию). Таким образом, сложился корпус ответных писем из 52 текстов (4 автографа из РО ИРЛИ, 48 из РГАДА – черновик из ГА РФ дублировал беловое письмо).

По хронологии письма цесаревича, так же как и его наставника, отчетливо делятся на два блока: 1826–1833 (период учебы) и 1840–1852 гг. (письма в Германию). Первый составляет 10 писем, из них 6 за время третьего заграничного путешествия Жуковского (1832–1833 гг.). Второй, отличающийся большей регулярностью эпистолярного общения, включает 42 письма: за 1840 г. – 1, за 1841 г. – 2, за 1842 г. – 8, за 1843 г. – 2, за 1844 г. – 3, за 1845 г. – 5, за 1846 г. – 3, за 1847 г. – 5, за 1848 г. – 3, за 1849 г. – 1, за 1850 г. – 4, за 1851 г. – 3, за 1852 г. – 1. Здесь обращает на себя внимание лакуна, приходящаяся на 1849 г., когда 30 января / 11 февраля цесаревич поздравил Жуковского с днем рождения, а потом написал только через год к той же дате 1850 г. Очевидно, несколько писем (вероятно, 1 или 2) этого периода до нас не дошли.

Если соотносить вклад в переписку Жуковского и великого князя, то можно говорить о решительной диспропорции: первому принадлежат более 150 писем, отличающихся в большинстве развернутостью и детальностью (около 230 страниц машинописного текста), второму втрое меньше, а по объему в шесть раз меньше (38 страниц). Письма цесаревича лаконичны и, как правило, очень стереотипны по содержанию и используемым формулам общения. Обычно от четверти до половины их текста занимают этикетные выражения: сообщения о получении того или иного письма Жуковского, сожаления о долгой разлуке, поздравления с определенным событием, пожелания счастливой семейной жизни и, наконец, приветы от себя, жены, сестер и братьев, императора и императрицы. Эта формульная конструкция настолько устойчива, что сразу ставит общение на ролевые рельсы и не позволяет почувствовать истинной личности цесаревича, эмоции и мнения которого, даже если они выражаются, также приобретают

характер этикетный, будь то радость от рождения сына или дочери, сочувствие болезням Жуковского, сообщения о праздниках или утратах царской фамилии и т.п. При совместном прочтении переписки это создает отчетливое впечатление взволнованного, искреннего и заинтересованного монолога Жуковского, изредка перебиваемого дежурными репликами великого князя. Это еще раз подтверждает, что долгие годы наставничества так и не породили настоящей дружбы с цесаревичем (см. о перипетиях личных отношений [10–13]), который привык к мысли уважать Жуковского, но в глубине души не имел к нему и его жизни особенного интереса, позволяя себе надолго прерывать общение, не отвечать на письма, отделываться общими фразами.

Этикетные роли, реализуемые великим князем в переписке, существенно менялись. Так, первые детские письма 1826–1833 гг. ориентированы на общение заботливого учителя и благодарного ученика. Центральную их часть, как правило, занимает подробная хроника занятий, отчет о том, что было пройдено в рамках учебных курсов с разными наставниками. Самое объемное из них от 1/12 ноября 1832 г. на трех страницах педантично излагает темы уроков Г.П. Павского, Ф.И. Липмана, К.И. Арсеньева, П.А. Плетнева, Э.Д. Коллинса, В.А. Эртеля, С.А. Варранда и Ф.А. Жилля. Сопровождением отчетов служат рефлексии цесаревича по поводу своих качеств как ученика. Они также не выражают личностной заинтересованности, а призваны показать свое соответствие извне предложенному канону, т.е. ожиданиям учителя: «До сих пор Вы были, к сожалению, часто мною недовольны, и я Вам слишком часто доставлял огорчения, но теперь уверен, что сего уже не будет, стану стараться всегда доставлять Вам одно лишь удовольствие» (3 июля 1832 г.). Мнения К.К. Мёрдера и Жуковского здесь, по сути, подменяют самооценку 14–15-летнего цесаревича.

Еще одним обязательным компонентом роли являлась забота о здоровье наставника, причем в интересном повороте: доброе здравие описывалось исключительно как залог успешного продолжения занятий по возвращении из-за границы, т.е. в эгоцентричном ключе, когда главным выступает благо цесаревича. «Сегодня еще мне виделось во сне, что Вы возвратились совсем здоровым и опять с нами живете по-прежнему. Надеюсь, что сон сей, который я считаю добрым предзнаменованием, скоро сбудется и наяву и что мы проведем последние годы наших занятий вместе в трудах» (3 июля 1832 г.). Примечательно, что о болезни К.К. Мёрдера, более душевно близкого человека, великий князь говорил несравненно сочувственнее (см. письмо от 6/18 июля 1833 г.).

Наконец, третьей ипостасью цесаревича в детских письмах к Жуковскому выступала роль хроникера семейно-придворной жизни. Великий князь, как правило, рассказывал об эпизодах, участником которых привык прежде видеть своего наставника, и напоминал ему об этих прошедших праздниках – дне рождения императрицы, рождении брата Михаила, дне ангела императора. Большей частью это картины, отражающие «должную» модель реальности (см. письмо от 1/12 ноября 1832 г.), но иногда прорыва-

ется детская непосредственность и желание сообщить о своих личных впечатлениях и радостях – награждении чином (7 января 1828 г.) или своей роли в большом событии (подъем Александровской колонны 30 августа 1832 г.).

Этикетно-ролевая организация писем 1840–1852 гг. имеет уже иную структуру и отражает новый статус цесаревича – семейного человека, обремененного многочисленными домашними и служебными занятиями, но сохраняющего благодарную память о бывшем наставнике. При чтении этих писем ощущается, что вся информация проходит через жесткий отбор и Жуковскому сообщается только то, на что он может рассчитывать по своему статусу частного лица и друга семьи. В результате домашне-семейная тематика выступает абсолютной доминантой, заслоняя даже бурные политические события 1848–1850 гг. В этом контексте очень выразительно выглядит реакция цесаревича на огромное письмо Жуковского об Иосифе Радовице от 14/26 апреля 1850 г., чуть позже ставшее основой напечатанной на немецком языке статьи. Письмо это, как выясняется, великий князь даже не удосужился прочитать, а в ответе Жуковскому от 7/19 июля 1850 г. ясно дал понять, что его мнение по поводу немецкого друга-политика несущественно и не будет принято во внимание: «Я никак не могу успеть прочесть доселе письмо Ваше о Радовице, но признаюсь, последние его деяния в Эрфурте и теперь в Берлине не таковые, чтобы заставить меня переменить мое невыгодное о нем мнение» [14. Л. 93].

В поздних письмах цесаревича Жуковский прочно вписан в ритуальное поле, сформированное идеологией «семейственной монархии», о которой хорошо писал Роберт Уортман как о стержне николаевского царствования [15. С. 325–543]. Поэт, правда, воспринимал ее как право и обязанность друга царствующей фамилии выступать советчиком, наставником, помощником. Великий князь видел Жуковского едва ли не исключительно домашним и бытовым человеком, устроителем новогодних елок, свидетелем дней детства, хорошим знакомым всех своих родственников, теперь обремененным семейством, детьми, немощами и повседневными заботами. В общении с ним и сам цесаревич принимал в первую очередь роль счастливого семьянина. Сквозь большинство писем проходят как сравнение семейного положения себя и Жуковского, так и пожелания семейного благополучия. Например: «<…> примите же теперь искреннее поздравление друга, который от всего сердца желает Вам и Вашей молодой невесте всевозможного счастия. Да будет благословение Божие на Вас! Моя милая Мария вот уже больше месяца у нас здесь и так, кажется, скоро привыкла к нашему семейному быту, как будто бы всегда с нами была» (8/20 октября 1840 г.) [14. Л. 21]. «Прежде всего, желаю Вам в сем наступившем Новом году укрепления Вашего здоровья и продолжения Вашего семейного счастья» (25 января / 6 февраля 1852 г.) [Там же. Л. 104].

На эту семейную ось нанизывались в письмах короткие сообщения о рождении детей, о состоянии здоровья жены, себя, императрицы и сестер, изредка императора и братьев, об очередных праздниках, например о за-

помнившемся юбилее великого князя Михаила Павловича, о свадьбах и утратах, как случилось с сестрой Александрой Николаевной, о своих текущих обязанностях и поездках – на Украину и в Крым (1845), в Германию (1847), на Кавказ (1850), в Тулу и Орел (1851). Эта хроника семейной жизни царской фамилии имеет свой интерес, а для Жуковского она подкрепляла чувство причастности к ней.

Одним из самых любопытных моментов переписки является реакция великого князя на сообщения Жуковского из гущи немецких революционных событий 1848–1852 гг. Для поэта эта историософская и политическая рефлексия была принципиально важна и, помещенная в письма к цесаревичу, мыслилась как формирование мнений царской семьи. Однако великий князь в письмах 1848–1852 гг. очень лапидарно, буквально в нескольких фразах, отозвался на предпринятый Жуковским обзор событий в Германии.

Из этого обмена политическими мнениями вырисовывается четкая картина: несмотря на близость к царской семье и дар публициста-идеолога, Жуковский был интересен двору в политическом качестве только тогда, когда его позиция максимально совпадала с мнениями, сформированными до и помимо его участия, но и то не на правах самостоятельной силы, а как приложение к роли устроителя детских праздников: «Но довольно о политике. Прежнюю роль Вашу, накануне Рождества, принял я на себя, т.е. уверял детей, *что елки не будет*, и они, подобно нам, также этому поверили, зато радость их потом удвоилась» (28 декабря 1850 г. / 9 января 1851 г.) [14. Л. 97 об.]. Тем не менее при всех схождениях и несовпадениях мнений Жуковский с середины 1820-х гг. до конца жизни оставался под крылом «семейственной монархии», и последнее письмо цесаревича от 25 января / 6 февраля 1852 г. снимало здесь любые сомнения: «Теперь насчет желания Вашего об обеспечении будущего Вашего семейства, я должен Вам повторить то, что уже несколько лет тому назад Вам писал, т.е. слова Государя: «Скажи доброму Жуковскому, что он напрасно об этом беспокоится. Дай Бог ему ещё много лет жизни, когда же его не станет, то семейство его *я, верно, не оставлю*, он, кажется, меня знает и *с чего было бы ему в этом усомниться*» [14. Л. 104 об.].

В данную публикацию по соображениям объема включены только 10 детских писем великого князя Александра Николаевича к Жуковскому 1826–1833 гг., составляющие внутреннее единство, с приложением одного письма К.К. Мёрдера. В полном объеме письма цесаревича будут представлены в четвертом выпуске сериального издания «Жуковский: Исследования и материалы» (Томск, 2020).

Тексты писем печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации с сохранением некоторых особенностей в написании топонимов и падежных окончаний. Исключение сделано для слов «Папа» и «Мама», которые у великого князя всегда акцентированы, также в некоторых письмах специально сохранена «детская» орфография автора (оговаривается в текстологических справках). Редакторские конъектуры и датировки заклю-

чены в угловые скобки. Авторские подчеркивания в рукописи переданы курсивом. Остальные текстологические и эдиционные принципы публикации соответствуют принятым в Полном собрании сочинений и писем Жуковского в 20 томах [3. С. 588–589].

1

29 января 1826 г. <Петербург>

Поздравляю тебя, любезный Василий Андреевич.

Александр

29го генваря
1826го года

Автограф: РО ИРЛИ. № 27903. Л. 1.
Публикуется впервые.
Датируется: 29 января 1826 г.

Первое известное письмо великого князя, которому тогда не исполнилось еще и 8 лет, является поздравлением своего учителя с днем рождения, приходящимся на 29 января.

2

23 августа / 4 сентября 1826 г. Москва

Милый, любезный мой Василий Андреевич!

Мы приехали 18го июля в Петровский дворец, а Папа приехал 19го июля, 25го ч<исла> был торжественный въезд в Москву. Я сидел с Мама в карете[1].

Дядя Константин приехал сюда, все ему были очень рады[2]. Вчера Папа и Мама короновались; слава Богу, Мама выдержала эту длинную церемонию[3]. Несколько дней назад я начал учиться у г. Жилю историю[4]. Надеюсь, что Ваше здоровье поправится и желаю, чтобы Вы приехали как можно скорее; буду стараться, чтобы Вы были мною довольны[5]. Обнимаю Вас от искреннего сердца и всегда буду Вам преданным.

Александр

Москва
23го августа
1826

Автограф: РО ИРЛИ. № 27903. Л. 3–3 об.
Впервые опубликовано: Русский архив. 1897. Кн. 1. № 4. С. 498.
Печатается по автографу.
Датируется: 23 августа / 4 сентября 1826 г.

[1] Письмо восьмилетнего великого князя описывает основные события московских коронационных торжеств июля-августа 1826 г. Петровский дворец на Тверском трак-

те – путевой дворец на въезде в Москву со стороны Петербурга. Возведён в 1776–1780 гг. по проекту архитектора Матвея Казакова. Он служил резиденцией для знатных особ после долгой дороги из Петербурга в Москву (отсюда его название «путевой»). После Павла I российские монархи использовали Петровский дворец как последнюю остановку на пути на коронацию в Кремле. Во время Отечественной войны 1812 г. дворец был разграблен и восстановлен только в первой половине 1826 г. в ходе подготовки коронации Николая I. Семья и свита императора прибыли в Петровский дворец 18 июля, сам император на следующий день. 25 июля 1826 г. в 4 часа дня состоялся торжественный въезд государя в Москву. В тот день император и императрица Александра Федоровна, ехавшая в карете вместе с наследником, были встречены на Красном крыльце членами коронационного комитета, приветствовавшими их хлебом-солью. См.: [16. С. 1; 17. С. 290]. В письме от 24 июля 1826 г. К.К. Мёрдер, воспитатель великого князя, сообщал Жуковскому: «В Новгороде осматривали хранящиеся в Соборе древности, а в Вышнем Волочке шлюзы; любопытство, с которым А<лександр> Н<иколаевич> все рассматривал, всех удивляло, мне же доставляло неизъяснимое удовольствие»; «Завтра назначено быть торжественному въезду в Москву <...> А<лександр> Н<иколаевич> едет с Алек<сандрой> Фед<оровной>. Москва с нетерпением ожидает своего Велик<ого> Кн<язя> – нарочно приезжают сюда из города, чтобы его видеть, и где мы покажемся, всюду толпою за нами следуют, приветствуют и кричат Ура!» [18. Л. 2].

[2] Цесаревич Константин Павлович прибыл из Варшавы в Москву на церемонию коронации 14 августа 1826 г. без предварительного оповещения и неожиданно для встречавших. См.: [16. С. 4].

[3] Церемония коронации 22 августа 1826 г. имела программное значение для символики предстоящего царствования. См. ее подробное описание: [19. С. 344–355; 16. С. 6–7]. О семантике династической преемственности ритуала см.: [15. С. 368–388].

[4] Флориан Антонович Жилль (1801–1865), швейцарец, переехавший в Россию, преподавал французский язык и историческую географию цесаревичу Александру Николаевичу; исполнял обязанности придворного библиотекаря, затем стал заведующим Царскосельским Арсеналом и руководил I отделением Императорского Эрмитажа. Подробную историю отношений Жуковского и Ф.А. Жилля, связанных в первую очередь с деятельностью по обучению и воспитанию наследника престола, см.: [20. С. 43–48].

[5] Жуковский в это время находился на лечении в Германии. На письмо великого князя он ответил 19/31 августа 1826 г. Текст ответа см.: [21. С. 549–550]. Публикация А.С. Янушкевича.

3

31 января / 12 февраля 1827 г. Петербург

Вы меня, любезнейший Василий Андреевич, спрашиваете: вспомнил ли я об Вас в новый год[1]? Не только в новый год, но каждый день вспоминаю об Вас и с нетерпением ожидаю Вашего возвращения[2]. Вы уверены, что я исполняю все Ваши на меня надежды; но я был бы рад, если бы мог исполнять половину оных. Радуюсь, что Карл Карлович пишет обо мне много хорошего[3], чувствую, однако, что мне еще во многом должно исправляться, но я постараюсь быть лучше. Очень рад, что Ваше здоровье поправилось, это дает мне надежду скорее с Вами увидеться. Я исполнил Ваши поручения, поцеловал Мери и Олю, кланялся Юлии Федоровне и обнял Карла Карловича[4]. Прощайте, милый мой Василий Андреевич, помните и любите меня столько, как я Вас люблю.

Александр
С.-Петербург
31го генваря 1827

Автограф: РО ИРЛИ. № 27903. Л. 5–6.
Впервые опубликовано: Русский архив. 1897. Кн. 1. № 4. С. 502.
Печатается по автографу.
Датируется: 31 января / 12 февраля 1827 г.

[1] Жуковский спрашивал в письме от 1/13 января 1827 г. из Дрездена, где он проводил зиму перед вторым курсом лечения на водах в Эмсе: «Вспомнили ли Вы обо мне в этот день? А я об Вас думал и мысленно был вместе с Вами» [21. С. 550]. Публикация А.С. Янушкевича.

[2] Жуковский вернулся в Петербург около 27 октября 1827 г.

[3] В письме от 1/13 января 1827 г. наставник говорил: «<…> уверен, что Вы исполните все наши на Вас надежды: ибо до сих пор Вы стараетесь вести себя так, что всем нам весело Вас любить и для Вас трудиться. То, что мне пишет об Вас Карл Карлович, радует меня и еще более к Вам привязывает» [21. С. 550]. Карл Карлович Мёрдер (1787–1834), генерал-майор, генерал-адъютант, воспитатель Александра II. По свидетельству современников, он был «прирожденным педагогом, тактичным и внимательным. Правилом его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека» (из воспоминаний великой княжны Ольги Николаевны). Великий князь Александр Николаевич называл своего наставника «бесценный, мой второй отец». С Жуковским Мёрдера связывали уважительные дружеские отношения. После смерти воспитателя цесаревича в «Северной пчеле» 7 мая 1834 г. [22. С. 401–402] без заглавия, в рубрике «Внутренние известия» была опубликована статья Жуковского, впоследствии названная издателями «Воспоминание о К.К. Мёрдере» [3. Т. 11/1. С. 327–329, 759–762]. Комментарий И.А. Айзиковой.

[4] Жуковский просил в письме от 1/13 января 1827 г.: «Прошу Вас за меня поцеловать ручки у Ваших сестриц. Скажите мое почтение Юлии Федоровне и хорошенько обнимите Карла Карловича» [21. С. 551]. Сестрицы – великие княжны Мария Николаевна (1819–1876) и Ольга Николаевна (1822–1892). Юлия Федоровна – Баранова (урожд. Доротея Елена Юлиана Адлерберг, 1789–1864), графиня (с 1846), статс-дама, гофмейстерина, воспитательница дочерей Николая I и близкий друг императорской семьи. Жуковского связывали с Барановой близкие дружеские отношения; поэт постоянно передавал ей свои приветы в письмах к К.К. Мёрдеру, Ф.А. Жиллю и др., а также периодически прибегал к ее помощи в делах благотворительности. Сохранилось 10 писем поэта к Ю.Ф. Барановой за 1827–1848 гг. (2 ответных письма хранятся в РО ИРЛИ [23]); почти все они имеют шутливый характер и сопровождаются комическими рисунками.

4

7 января 1828 г. <Петербург>

Любезный Василий Андреевич, поздравьте меня подпорутчиком. Это удовольствие Папа мне зделал за хорошой экзамен[1]. Обнимаю и целую Вас от всего сердца.

Александр

7го генваря
1828.

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 1.
Публикуется впервые. Печатается с сохранением детской орфографии.
Датируется: 7 января 1828 г.

Адрес: «Василию Андреевичу Жуковскому» (л. 2 об.)

[1] Великий князь сообщает о высочайшей награде: 7 января 1828 г. он был пожалован императором чином подпоручика гвардии «за успехи в науках, оказанные на экзамене в присутствии Их Величеств» [24. С. 9]. На это письмо Жуковский откликнулся в тот же день: «Поздравляю Вас от всего сердца, мой милый великий князь, с милостью государя – и Вас, и Карла Карловича, и себя самого. Вам весело было получить награду, а нам весело, что Вы ее заслужили. Как мне приятно начинать с Вами по-прежнему трудиться! Я теперь вижу, что труды наши не напрасны и что впредь еще пойдет лучше, нежели теперь. Обнимаю Вас и Карла Карловича» [25. Л. 1].

5

<2/14 июля 1832 г. Александрия>

Благодарю Вас, бесценный Василий Андреевич, за Ваше милое письмо[1], оно принесло мне неизъяснимое удовольствие и некоторым образом упокоило насчет Вашего здоровья. Я уже долго с большим нетерпением ожидал от Вас известий, ибо мы все, судя по жестоким ветрам и непрестанной непогоде, у нас продолжающейся, боялись за Вас и полагали, что Вы терпите бурю. В Петербурге носились слухи, что «Николай» со всеми своими пассажирами взлетел на воздух[2]; как я рад, что они дошли до меня после Вашего письма.

Я не могу объяснить Вам, как мне кажется странно без Вас, все как будто чего-то недостает. Могу Вас уверить, милый друг, что я беспрестанно об Вас думаю и даже ночью не перестаю, ибо и сегодня еще мне виделось во сне, что Вы возвратились совсем здоровым и опять с нами живете по-прежнему. Надеюсь, что сон сей, который я считаю добрым предзнаменованием, скоро сбудется и наяву и что мы проведем последние годы наших занятий вместе в трудах. До сих пор Вы были, к сожалению, часто мною недовольны, и я Вам слишком часто доставлял огорчения, но теперь уверен, что сего уже не будет, стану стараться всегда доставлять Вам одно лишь удовольствие.

Во время теперешних вакаций праздники и беспрестанные переезды с места на место хотя и мешали много моим занятиям, однако же я читал по временам Сегюра[3].

Мы начали на днях с г. Коллинсом[4] производить сьемку Александрии[5]. Предварительно двор фермы вынесен был на мензулу[6].

Вы удивитесь, узнав, что сестрицы мои провели праздник 1го июля с нами в Петергофе, Вам легко себе представить радость Мама. «Ижора» в 21 ч<ас> привезла их к нам из Ревеля, а сегодня опять отвозит[7].

Милый Василий Андреевич, целую Вас от всего сердца. Надо бы Вам написать больше, но по случаю наших экзаменов у меня нету ни минуты времени[8].

Прощайте, прощайте, милый друг.
Ваш всегда любящий

Александр

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 16–18. Б.д.
Публикуется впервые.
Датируется: 2/14 июля 1832 г.

Обоснование датировки: датируется по упоминанию сегодняшнего отъезда сестер Ольги и Марии в Ревель, которое состоялось 2 июля 1832 г.

[1] Письмо Жуковского из Любека от 24 июня / 6 июля 1832 г. с рассказом о морском путешествии и прибытии в Германию, см.: [26. С. IV–V].

[2] В дневнике Жуковский описал свое путешествие на пароходе «Николай I» так: «Ночь с субботы на воскресенье. Сильный ветер в воскресенье и в понедельник. Ночь с воскресенья на понедельник на палубе. Понедельник: половина дня бурного, половина спокойного (сходство с жизнию)» [3. Т. 13. С. 319]. Ср. описание А.И. Тургенева, который ехал вместе с Жуковским, в письме к П.А. Вяземскому от 24 июня (6 июля) 1832 г.: «Тридцать часов лежали мы неподвижно на палубе, смотря в небо, между тем как полубуря заливала нас соленою водою и ломала нашу мачту. В третий день любезничали с дамами и упивались дурным зеленым чаем и шампанским, любовались неизмеримостью моря, Борнгольмом, башнями Висмара, и, наконец, согретые солнцем, увидели Травемюнде и вскричали: берег!» [27. С. 98].

[3] Граф Луи Филипп де Сегюр (1753–1830), историк и дипломат, плодовитый писатель. Вероятно, подразумевается чтение книги «Четыре возраста жизни», рекомендованной Жуковским и содержащей нравственно-философский очерк человеческой жизни.

[4] Преподаватель математики и физики Эдуард Давыдович (Эдуард Альберт Христофор Людвиг) Коллинс (1791–1840).

[5] Александрия – дворцово-парковый ансамбль Петергофа, одна из резиденций царской семьи. До 1825 г. находилась в запустении, в 1826–1829 гг. перестроена в сентиментально-сельском стиле и названа в честь императрицы Александры Федоровны. Чтобы еще сильнее подчеркнуть идиллический характер резиденции, архитектор А. Менелас недалеко от Коттеджа, основного дворца, в 1829–1831 гг. построил «Ферму» с коровником, комнатами для пастухов, кухнями и кладовыми.

[6] Мензула – полевой чертежный столик, состоящий из планшета, штатива и скрепляющей их подставки. Используется при так называемой мензульной съемке. Является геодезическим инструментом. Мензула дает возможность получать непосредственно горизонтальные проекции линий местности (засечки).

[7] На лето 1832 г. великую княжну Ольгу Николаевну в сопровождении ее сестры Марии Николаевны из-за частых простуд и постоянного кашля доктора рекомендовали отправить на морские купания в Германию, однако из-за распространения холеры план переменился и лето они провели в Ревеле, во дворце Екатериненталь, откуда вернулись 1 июля 1832 г. на день рождения матери, императрицы Александры Федоровны. На следующий день они отправились обратно и пробыли в Екатеринентале до 16 августа. См. о пребывании княжон на море: [28].

[8] Речь идет о подготовке к регулярным полугодовым экзаменам, которые цесаревич сдавал в присутствии императора и императрицы.

6

7/19 июля 1832 г. Александрия

Ветер был крепок, и они все, исключая Оли, были нездоровы[1]. Они часто спрашивали об Вас и поручили мне уверить любезного Василия Андреевича в искренней их к Вам любви. Я исполняю все Ваши поручения. Папа и Мама Вам кланяются. Г.г. учителя и все мои товарищи[2] просили меня засвидетельствовать Вам их почтение. Карл Карлович и я, мы все мысленно от всего сердца обнимаем и целуем и желаем Вам возвратиться здоровым.

Вас искренно любящий

Александр

Александрия
7го июля 1832.

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 3–3 об. Начало письма утеряно.
Публикуется впервые.
Датируется: 7/19 июля 1832 г.

[1] Цесаревич рассказывает о прибытии в Александрию из Ревеля сестер и их воспитательниц. См. примеч. 7 к предыдущему письму от 2 июля 1832 г.

[2] Великий князь Александр Николаевич по совету Жуковского обучался вместе со своими сверстниками Иосифом Михайловичем Виельгорским (1817–1839) и Александром Владимировичем Паткулем (1817–1877). О первом подробнее см.: [29].

7

24 сентября / 6 октября 1832 г. Петербург

С. Петербург
24го сентября / 6 окт<ября> 1832

Извините меня, милый бесценный Василий Андреевич, что я Вам так долго не писал. Два Ваших письма, одно из Эмса, другое из Франкфурта доставили мне неизъяснимое удовольствие[1]! Особенно мы все до крайности обрадованы были вторым, видя из него, что Ваше здоровье приметно поправляется. Надобно полагать, что зима, которую Вы проведете в Италии, докончит Ваше выздоровление. Наперед радуюсь я той счастливой минуте, когда мы снова увидимся и мне можно будет прижать Вас к сердцу, обнять и поцеловать уже не на одних словах, но наяву.

Я постараюсь удовлетворить Вашему желанию, т.е. представить Вам обозрение пройденного нами со 2го августа до сих пор.

У г. Павского[2] часы занятий наших по прежнему разделены на две части, один раз мы занимаемся размышлениями о религии, а в другой историю грекокатолической церкви.

У г. Липмана[3] мы повторяли историю Средних веков по таблицам Калрауша[4] и начали теперь говорить о цветущем состоянии Италии во

времена Петрарка и Бокачьо. Я полагаю, что проезжая Флоренцию, Вы вспомните ту ужасную болезнь, которая опустошала сей город и была воспета этим же самым Бокачьо[5].

У г. Триниуса[6] мы также повторяли по его тетрадям, по которым составляли таблицы и показывали ему. Он теперь уехал для сопровождения принцессы Марии[7] в Германию, и его уроки заняты г. Жиллем[8], с которым мы проходим древние сражения греков и римлян и составляем потом сочинения.

Со времени возвращения Константина Ивановича[9] мы начали у него проходить государствование Иоанна Васильевича III, что меня очень занимает.

У Петра Александровича[10], кроме переводов, извлечений, выучивания стихов и рассказов, мы проходили правила грамматики и отдельно – описательных сочинений.

У г. Коллинса мы вперед не проходили, только занимались повторением всего, нами пройденного от самого начала в практической арифметике, алгебре, тригонометрии и планиметрии. В уроках физики мы обязаны представлять собственные таблицы.

У г. Эртеля[11] и Варранда[12] мы все еще занимаемся по-прежнему, т<о> е<сть> переводами, учением наизусть стихов и разными письменными работами.

Вот вкратце все, нами пройденное до сих пор.

Вы, верно, удивитесь, милый Василий Андреевич, узнав, что наш бесценный Карл Карлович был очень болен последнее время в Царском Селе; ему теперь, слава Богу, гораздо лучше; но он еще немного слаб[13].

Как я сожалел, милый друг, что Вас не было здесь 30го августа в день поднятия колонны[14]. Я Вам не могу объяснить, что это было за зрелище. Тишина, порядок, с которым все шло, точно были удивительны.

Помолившись Богу, Папа, Михаил Павлович[15] и я, мы сами начали вертеть ворот и в это время пришло в движение шестьдесят других воротов, и менее, нежели в 1 ½ ч<аса> колонна была поставлена. Тогда все воскликнули «Ура!» и на вершине ее был поднят флаг.

В воспоминание этого дня я сохранил для Вас кусок того гранита, из которого и колонна.

Папа, Мама и все мои сестрицы Вам посылают поклоны. Все г.г. учителя свидетельствуют Вам свое почтение.

Прощайте, прощайте, милый бесценный Василий Андреевич, Карл Карлович и я, мы все Вас обнимаем и целуем мысленно от всего сердца.

Ваш истинный друг

Александр

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 5–7. На л. 5 сверху помета Жуковского: «Получено 26 октября».

Публикуется впервые.

Датируется: 24 сентября / 6 октября 1832 г.

[1] Письма от 25 июля / 6 августа и 26 августа / 7 сентября 1832 г. [26. С. VI–XII], где рассказывалось о лечении водами в Эмсе и Вейльбахе и планах продолжить лечение виноградом в Италии.

[2] Протоиерей, законоучитель великого князя Герасим Петрович Павский (1787–1863). См. некоторые материалы его курса: [30. С. 61–94].

[3] Федор Иванович (Фридрих Леберехт) Липман (1784–1854), профессор Берлинского университета и преподаватель всеобщей истории при великом князе.

[4] Фридрих Кольрауш (1780–1867), немецкий педагог и историк, в том числе создатель хронологических таблиц по всеобщей истории.

[5] Речь идет об эпидемии чумы в Италии в 1348 г., особенно бушевавшей во Флоренции и изображенной в рамочной новелле цикла Джованни Боккаччо (1313–1375) «Декамерон» (1350–1353).

[6] Преподаватель естественной истории, ботаник Карл Антонович (Карл Бернгард) Триниус (1778–1844).

[7] Герцогиня Антуанетта Фридерика Августа Мария Анна Вюртембергская (1799–1860), немецкая принцесса из Вюртембергского дома. По линии отца Мария приходилась двоюродной сестрой российским императорам Александру I и Николаю I. В 1800–1832 гг. жила преимущественно в Петербурге в роскошном дворце в Юсуповском саду и занимала высокое положение при дворе. 6 сентября 1832 г. в Штутгарте был подписан ее брачный контракт с герцогом Саксен-Кобург-Готским Эрнстом I, и Мария навсегда покинула Россию. Бракосочетание состоялась в Кобурге 23 декабря 1832 г.

[8] Гувернер, преподаватель французского языка и географии Флориан Антонович Жилль (1801–1865).

[9] Преподаватель истории, член Российской академии Константин Иванович Арсеньев (1789–1865).

[10] Поэт и критик, преподаватель словесности Петр Александрович Плетнёв (1792–1865).

[11] Преподаватель немецкого языка, переводчик Василий Андреевич Эртель (1793–1847).

[12] Преподаватель английского языка Самуил Александрович Варранд (ок. 1792 – после 1851).

[13] Болезнь К.К. Мёрдера не прекратилась и потребовала поездки на лечение за границу в 1833 г.

[14] Подразумевается Александровская колонна на Дворцовой площади в Петербурге. Для ее гранитного монолита, основной части, была использована скала из Финляндии, доставленная морским путем. Ее прибытие в Санкт-Петербург состоялось 1 июля 1832 г., а подъем на пьедестал – 30 августа 1832 г., в день тезоименитства Александра I. На базе разработок генерал-лейтенанта А.А. Бетанкура по установке колонн Исаакиевского собора в декабре 1830 г. была сконструирована оригинальная подъемная система. В нее входили: строительные леса в 22 сажени (47 метров) высотой, 60 кабестанов и система блоков. У готового пьедестала из кирпича был выложен временный массив до отметки основания колонны (10 м от уровня земли) для установки лесов. По наклонной плоскости колонну подкатили на особую платформу, находившуюся у подножия лесов, и обмотали множеством колец из канатов, к которым были прикреплены блоки; другая система блоков находилась на вершине лесов; большое число канатов, опоясывающих камень, огибали верхние и нижние блоки и свободными концами были намотаны на кабестаны, расставленные на площади. По окончании всех приготовлений был назначен день торжественного подъема. Посмотреть на это событие собрались массы народа: они заняли всю площадь, окна и крыша здания Главного штаба также были заняты зрителями. Для приведения колонны в вертикальное положение потребовалось привлечь силы 2000 солдат и 400 рабочих, которые за 1 час 45 минут установили монолит.

[15] Младший брат императора, дядя великого князя Александра Николаевича.

8

1/12 ноября 1832 г. Петербург

С. Петербург. 1го ноября 1832

Как я рад, милый бесценный Василий Андреевич, что могу Вам объявить приятнейшую весть. Бог дал нам братца Михаила, прозванного Костею Миса[1]. Мама, слава Богу, совершенно здорова. Это счастливое событие случилось в четверток 13 октября в 9 ½ часов вечера. Вы можете себе представить всеобщую радость, распространившуюся у нас в доме. Гуляя на улицах, я видел на лицах всех, мне встречавшихся, веселую улыбку, и сердце мое еще более радовалось, чувствуя участие, которое наш добрый народ принимает в счастии своего государя. В этот день я не раз об Вас думал, мой милый друг; я представлял себе мысленно Вашу радость и сожалел, что Вы не с нами.

Из письма Вашего к г. Шамбо[2] увидели мы, что Вам лучше, дай Бог, чтобы Вы к нам возвратились с таким запасом здоровья, который бы никогда не истощился. Я с своей стороны буду стараться к этому содействовать моею примерностью и любовью к занятиям, ибо я знаю, как Вы меня любите, милый Василий Андреевич, и как Вам всегда прискорбно, когда Ваши труды не так удаются, как бы Вам хотелось.

Я теперь делаю краткое обозрение того, что мы прошли со времени моего последнего к Вам письма.

У г. Павского начали мы читать примечательнейшие места из исторических и пророческих книг Ветхого Завета.

У г. Липмана мы кончили всю историю Средних веков и теперь занимаемся общим ее обозрением. Мы начали с Испании и Португалии и перешли ко Франции. После каждого урока, при коих, по желанию Карла Карловича и просьбе г. Липмана с некоторого времени г. Арсеньев присутствует, мы обязаны представлять к следующему письменный отчет того, что мы проходили, и это мне очень объясняет происшествия!

У г. Арсеньева мы кончили государствование Иоанна III, сделали обозрение оного и обратили опять наше внимание на современное состояние Европы; докончив то, мы начали государствование Василия I[3] и говорили о его войнах с Казанской ордою и с Сигизмундом I Польским. При этом случае во многом найдено сходство от действий и мыслей с Иоанновичами. Мы по-прежнему представляем Константину Ивановичу в каждый урок письменный отчет пройденного нами прежде. Он заметил, что я лучше стал писать, но что мне надобно с большею любовию заниматься делом.

У Петра Александровича мы все еще занимаемся практическими упражнениями по правилам, им данным для описательных сочинений. Я сделал описание поднятия монумента Александру I[4]; но вижу, что мне много еще надобно заниматься и писать, ибо я сам чувствую большие несовершенства в своих сочинениях. Мы учим еще наизусть отрывки из различных поэтов, между прочим часть из Вашего послания к Мама по слу-

чаю моего рождения[5], дай Бог, чтобы Ваши желания и надежды оправдались. Один раз в неделю вечером мы с г. Плетневым поочередно читаем назначаемые большие пьесы. Между прочим, несколько повестей прочитано из новой прекрасной книжки Анны Петровны Зонтаг[6].

У г. Коллинса мы делаем теперь малое обозрение химии, и по субботам у нас по-старому бывают опыты. Мы также повторяем стереометрию.

У. г. Эртеля, по Вашему приказанию, начали повторение древней истории.

У. г. Варранда занятия продолжаются по прежнему. Большею частью мы делаем переводы.

Г. Жилль повторяет уроки г. Липмана. На прошедшей неделе он прочел нам отрывки из поэмы Камоэнца «Лузияды» о путешествии Васко де Гамы[7]. Мы ему также представляем письменные отчеты его уроков, и те, которые он находит достойными, по приказанию Карла Карловича, переписываются для нас.

Вот все обозрение нами пройденного в это короткое время.

Осень у нас довольно хороша и продолжается без холодов, чего нельзя было ожидать после такого неслыханного лета.

Как время летит, милый Василий Андреевич. Когда подумаешь, что вот уже год, как мы с Вами ездили в Москву[8]! Где то время? Все преходит и ничто не возвращается. Думая об этом, я вполне чувствую, как надобно дорожить каждым днем.

У нас, благодаря Бога, все здоровы. Карл Карлович чувствует себя гораздо лучше, но все у него есть остатки его болезни.

Папа, Мама, сестрицы и, полагаю, братцы кланяются вам. Все г.г. учителя свидетельствуют Вам свое почтение, равно как и Виельгорский и Паткуль.

Прощайте, милый бесценный Василий Андреевич, я бы желал больше Вам написать, но боюсь, чтобы это Вам не наскучило.

Прощайте еще раз, надеюсь скоро с Вами увидеться, а между тем Карл Карлович и я, мы Вас мысленно обнимаем и целуем от всего сердца

Ваш верный и благодарный друг

Александр

Автографы:

1) ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1637а. Л. 1–2 – черновой, неполный (до слов «о его войнах с Казанской ордою и с Сигизмундом I Польским»).

2) РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 9–11 об. – беловой. На л. 9 сверху помета Жуковского: «Получено 24 ноября / 5 декабря».

Публикуется впервые.

Датируется: 1/12 ноября 1832 г.

[1] Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909), четвертый и последний сын императора Николая I, родился 13/25 октября 1832 г. Костя – великий князь Константин Николаевич (1827–1892), второй сын императора, младший брат Александра Николаевича, в дальнейшем также с Жуковским его связывала переписка. Жуковский выказывал беспокойство по поводу болезненного состояния императрицы Александры Федо-

ровны. Известие о рождении великого князя поэт получил из письма А.А. Бехтеева, о чем записал в дневнике 31 октября / 12 ноября 1832 г.: «Известие о родинах императрицы. Обед с Севериным в Trois Couronnes» [3. Т. 13. С. 338]. Свои поздравления поэт принес цесаревичу в письме от 5/17 ноября 1832 г., где в том числе описал праздничное застолье вместе с Д.П. Севериным и Ф.Ц. де Лагарпом [26. С. XIII–XV].

[2] Иван Павлович Шамбо (1783–1848), личный секретарь императрицы Александры Федоровны в 1814–1848 гг., с 1826 г. обучал наследника немецкому языку. Упоминаемое письмо Жуковского к Шамбо пока не обнаружено.

[3] Великий князь расходится с современным обозначением династической преемственности: здесь речь идет о Василии III Ивановиче (1479–1533) и его внешней политике – походах на Казанское ханство в 1508, 1521–1523, 1527 гг. и успешной войне с Великим княжеством Литовским во главе с Сигизмундом I Старым (1467–1548), в результате которой к 1514 г. был взят Смоленск и окрестные города.

[4] См. примеч. 14 к предыдущему письму от 24 сентября / 6 октября 1832 г.

[5] Далее зачеркнуто: «и надежды». Подразумевается стихотворение Жуковского «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича: Послание» («Изображу ль души смятенной чувство?...»), где выражалась надежда на великое будущее новорожденного.

[6] Анна Петровна Зонтаг (урожд. Юшкова; 1785–1864), жившая в Крыму детская писательница, племянница Жуковского, его многолетний друг и адресат. С Зонтаг императорская семья была знакома с летнего крымского путешествия 1828 г. С 1828 г. с помощью и при участии поэта она издавала серию книг «Повести для детей». В 1832 г. вышла четвертая книга «Повести и сказки для детей Анны Зонтаг, издательницы повестей для детей первого и второго возрастов» [31].

[7] Эпическая поэма Луиша де Камоэнса (1524–1580), крупнейшего представителя португальского Возрождения, «Лузиада» (1556) излагает все героические события португальской истории от заселения страны мифическим Лузом, предком лузиадов-португальцев, до открытия пути в Индию вокруг Африки Васко да Гамой в 1498 г.

[8] 28 октября – 12 ноября 1831 г. Жуковский сопровождал великого князя в его поездке в Москву для свидания с императором, который прибыл туда двумя неделями ранее. Визит приурочивался к победе над польским восстанием и был вызван необходимостью на месте узнать о последствиях эпидемии холеры осени 1830 г. См.: [16. С. 384–392].

9

3/15 декабря 1832 г. Петербург

С. Петербург.
3го декабря 1832

Не могу Вам выразить, милый бесценный Василий Андреевич, как мы все были обрадованы Вашим письмом[1]. Оно нас успокоило насчет Вашего здоровья, которое опять чуть было не расстроилось. Во все это время о Вас мы получали известия от одной только Mlle Vildermeth[2]. Она очень перепугала нас, известив, что Вы не можете ехать в Италию. Ваше письмо показало нам истинную того причину. Она мне служит новым доказательством Вашей ко мне любви, мой милый друг. Я с своей стороны буду стараться оправдать ее прилежанием и любовию к занятиям. Как радовался я известию к Вам бесценного Карла Карловича, что мой всегдашний враг *лень* менее во мне замечен[3]. Буду стараться, чтобы к Вашему возвращению

его уже во мне совсем не было. Теперь могу Вас уверить, милый Василий Андреевич, что я уже занимаюсь с охотою, но еще нельзя сказать, что всегда. Бывают такие минуты, в которые кажется, я чувствую себя таким, каков я был за три года, т<о> е<сть> что мне занятия неприятны и даже в тягость. Надеюсь, однако, с помощью Божией, избавиться от этого недостатка и еще некоторых, замечаемых мною в себе, например, что я не отвык играть руками, не всегда откровенно высказываю, что чувствую, и проч<ее>.

Как бы желал, встречая Вас, бесценный друг, быть совершенно чистым и свободным от недостатков и чтобы Вы ни следа не приметили во мне чего-нибудь дурного прежнего. Молю о сем каждый день Отца Небесного и надеюсь, что Он услышит мои моления, которые исходят истинно из глубины сердца.

Наш бесценный Карл Карлович тихо поправляется в своем здоровии, я каждый день также прошу Всемогущего Бога о сохранении Вашего и его здоровья. Я чувствую, что без Вас не дойти мне до своей цели. Из Вашего сердца я привык почерпать то, что некогда может послужить во благо других.

В наших занятиях не произошло особенной перемены, кроме того, что у Константина Ивановича мы начали проходить о царствовании Иоанна Грозного, у Петра Александровича занимались повествовательною прозою, и я по этому случаю сделал довольно большое повествование, которым он был очень доволен. Предметом я избрал рассказ о конце вольности Пскова при Василии I[4]. У г. Липмана начали повторять историю Средних веков в Англии отдельно, докончив прежде Францию.

Мама, слава Богу, чувствует себя совершенно здоровою. Она выдержала два дня сряду представление с поздравлением по случаю прошествия 6 недель[5].

Время у нас чрезвычайно холодное, и сначала были холода 18° без снегу.

Во вторник день ангела Папа[6], и вот через 28 дней уже новый год. Боже мой! Как время летит! Я едва верю, что мы так быстро подвинулись вперед. Итак, через 6 месяцев мы снова увидимся, милый Василий Андреевич. Я вместе с Карлом Карловичем обнимаю Вас мысленно от всего сердца. Папа, Мама, сестрицы Вам кланяются, равно, как и все, находящиеся при них, и г.г. учителя свидетельствуют Вам свое почтение.

Прощайте! Прощайте еще раз.

Ваш любящий друг

Александр

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 13–14 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 3/15 декабря 1832 г.

[1] Письмо Жуковского от 5/17 ноября 1832 г. [26. С. XIII–XV].

[2] Мария Маргарета Вильдермет (Цецилия Александровна, 1777–1839), гувернантка и приближенное лицо императрицы Александры Федоровны, фрейлина. В то время она уже покинула двор и вернулась на родину в Швейцарию. В период пребывания Жуков-

ского в Верне он активно переписывался с бывшей фрейлиной, с которой был знаком с 1817 г., и навещал ее дом в Бомоне. См. подробнее: [32].

[3] Жуковский сообщал в письме от 5/17 ноября 1832 г.: «Еще более благодарю Вас за то, что мне пишет об Вас Карл Карлович; он извещает меня, что наш общий ненавистный враг, с которым было так трудно бороться, враг, называемый *ленью*, почти побежден» [26. С. XIV].

[4] См. примеч. 3 к предыдущему письму. Речь идет о Василии III Ивановиче (1479–1533). В 1509 г., находясь в Великом Новгороде, он приказал собраться при нем псковскому посаднику и прочим представителям города. По прибытии к нему в начале 1510 г. на праздник Крещения Господня псковичи были обвинены в недоверии великому князю, и их наместники были казнены. Псковичи были вынуждены просить Василия принять себя в его отчину. Василий приказал отменить вече. На последнем в истории Псковской республики вече было решено не сопротивляться и выполнить требования Василия. 13 января был снят вечевой колокол и отправлен в Новгород.

[5] Подразумеваются шесть недель, прошедшие после рождения великого князя Михаила Николаевича. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

[6] Подразумевается день святителя Николая, святого Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских одного из самых почитаемых христианских святых в Русской православной церкви, отмечаемый 6/19 декабря.

К.К. Мёрдер – В.А. Жуковскому

21 февраля / 5 марта 1833 г. Петербург

С. Петербург. 21го февраля / 5 марта 1833

Все Ваши письма, милый мой друг Василий Андреевич, я получил[1].

Портреты Ваши – истинное совершенство живописи – курящий сигару и в задумчивости в окно смотрящий В<асилий> А<ндреевич>[2] будет скопирован и отдан к<нязю> Вяземскому[3].

Я располагал было оставить Петербург 14 сего месяца[4], но сильный припадок заставляет меня ожидать лучшей погоды; мороз мне вреден.

Благодаря Бога, 5ти дней припадку не было.

Меня утешают, что перемена климата возвратит мне здоровье. Вся моя надежда на Бога.

Все близкие Вашему сердцу здоровы и свидетельствуют Вам почтение.

Обнимаю Вас от всего сердца

К. Мёрдер

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 15–15 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 21 февраля / 5 марта 1833 г.

[1] Подразумеваются шесть писем Жуковского от 4/16, 11/23, 18/30 января, 27 января / 8 февраля, 1/13 и начала февраля 1833 г.

[2] Г. Рейтерн написал в 1832 г. около 5 различных портретов русского поэта (см.: [33. С. 311–312]). Дневниковые записи Жуковского от 11 (23) – 30 декабря (11 января) 1832 г. фиксируют процесс работы Г. Рейтерна над портретами [3. Т. 13. С. 341–342]. Упоминаемый К.К. Мёрдером портрет изображает Жуковского смотрящим в окно на Женевское озеро и ныне хранится в Государственном музее А.С. Пушкина.

[3] В письме к П.А. Вяземскому от 26–27 января / 7–8 февраля 1833 г Жуковский предупреждал: «О моем житье-бытье много тебе рассказывать не стану. Я написал о нем длинное письмо к великому князю; добейся этого письма от Мёрдера, которому я дал поручение и для тебя. Вот какое: я послал великому князю *три* своих *портрета*, прекрасно нарисованные Рейтерном (он и всё его семейство теперь живут вместе со мною); я просил Мёрдера велеть срисовать для тебя один из этих портретов; можешь их посмотреть и сам назначить, с которого сделать копию» [34. Л. 37].

[4] К.К. Мёрдер с женой и дочерью Марией выехал в Берлин на лечение только 14 марта 1833 г., о выезде в дорогу он уведомлял Жуковского в письме от 4 (16) марта, полученном адресатом 30 марта (11 апреля), см.: [3. Т. 13. С. 355].

10

6/18 июля 1833 г. Александрия

Александрия близ Петергофа. 6го июля 1833

Извините меня, милый бесценный Василий Андреевич, что я Вам так давно не писал. С самого начала болезнь нашего почтенного Карла Карловича, право, так расстроила[1], что я был не в состоянии Вам писать, вскоре после того начались приготовления к экзамену, который, как Вы уже знаете, слава Богу, хорошо удался[2], но после того я совершенно виноват перед Вами, мой милый друг, ибо у меня было довольно много времени, но я все откладывал день ото дня и наконец дошло до того, что я получил письмо Ваше, в котором Вы сами в этом упрекаете[3]. Но будьте уверены, милый друг, что любовь моя к Вам и признательность каждый день увеличиваются, ибо я сам теперь вижу, что Вы для меня сделали, и у меня должно быть каменное сердце, если бы я этого не чувствовал и не умел ценить. Итак, я считаю себя совершенно виноватым перед Вами, прошу у Вас еще раз прощения.

Вы уже, я думаю, знаете, все подробности о болезни нашего бесценного Карла Карловича, с которым расстался с неизъяснимою скорбью и так, что и теперь я не могу хладнокровно подумать о сей ужасной, могу сказать, минуте, но, благодаря Бога, он теперь в Берлине поправляется[4], и надеюсь, что он возвратится ко мне совершенно здоровым, равно как и Вы, милый друг, и что мы снова по-прежнему станем трудиться вместе.

Как странно получилось, что Вы, мой милый, Карл Карлович и г. Жилль[5] разом почти заболели и все нас оставили.

Хотя наш почтеннейший Александр Александрович[6] теперь на месте милого бесценного Карла Карловича, но он не вполне мне его заменяет, ибо, это и понятно, что я не могу к нему иметь такое доверие, как к другу, с которым был в продолжение 9 лет неразлучен, ибо точно Карл Карлович был для меня и, надеюсь, и будет не только наставником, но и моим истинным другом, который разделял со мною и радость и печаль. С каким нетерпением жду я той минуты, в которую мы с Вами снова увидимся и мне можно будет обнять Вас и прижать к моему сердцу, надеюсь, что мне уже не долго этого дожидать. Мсье Жилля надеялись увидеть 1го июля, который мы не праздновали, как обыкновенно[7], хотя и погода была, к сожалению, весьма дурная.

У меня теперь вакации, и мы до этих пор, благодаря манежу и всяким праздникам, не могли найти ни одной минуты, чтобы порядочно заняться.

Я Вас еще не благодарил за Ваши портреты[8], которые Вами присланы, они все удивительно, как похожи. Время меня, однако, торопит, и я должен кончить письмо.

Папа, Мама, сестрицы и все наши Вам кланяются. Прощайте, милый бесценный Василий Андреевич. Обнимаю и целую Вас мысленно от всего сердца.

Ваш друг

Александр

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 19–20.
Публикуется впервые.
Датируется: 6/18 июля 1833 г.

[1] Чувства великого князя к К.К. Мёрдеру хорошо передают его письма, которые он регулярно отправлял своему наставнику в Германию, в частности первое из них от 15/27 марта 1833 г.: «Я ежедневно молю Всевышнего, чтобы он Вас к нам снова возвратил, но уже не больным, а совершенно здоровым. <…> В свободные часы мне все хочется идти к Вам в комнаты, которые после Вас остались так пусты. <…> После Вашего отъезда я Вас провожал, бесценный друг, вместе с Мама, взорами, столь далеко, как мог, и после этого мы пошли в Вашу комнату, где Вы последнее время жили, и там за Вас вместе молились, и после этой молитвы у меня пробудилась новая надежда Вас видеть здоровым» [35. С. 400].

[2] О подготовке и ходе экзаменов Жуковскому сообщали императрица Александра Федоровна и И.М. Виельгорский. Императрица 8 февраля ст. ст. 1833 г. говорила: «Сашею очень довольны; он готовится к экзамену перед своим отцом» (пер. с фр. [8. С. 507]). В письме от 19 февраля ст. ст. Виельгорский писал: «Что же касается до уроков, я вам скажу новость. У нас скоро будет экзамен при Государе; так было угодно Его Величеству» [29. С. 126]; в начале марта он информировал: «У нас начался экзамен. Вчера экзаменовал Коллинс в тригонометрии, стереометрии и алгебре. Завтра экзамен Варранда, Павского и Семена Алексеевича <Юрьевича. – *В.К.*>. В четверг экзамен Липмана, потом Арсеньева, а что дальше будет, то еще не решено. Но подробный отчет о нашем экзамене я пришлю вам по окончании оного» [29. С. 127–128].

[3] Письмо Жуковского от 28 марта / 9 апреля 1833 г., где он упрекал великого князя: «От Вас же давно не имею известия, хотя и мог бы уже его иметь. Ваши экзамены должны быть теперь кончены, и я нетерпеливо желаю знать о их результате» [26. С. XXII].

[4] После пребывания в Берлине К.К. Мёрдер отправился на лечение в Баден, где встретился с Жуковским 13/25 июля 1833 г. [3. Т. 13. С. 386], о чем на следующий день поэт написал великому князю [26. С. XXVII].

[5] Здоровье Ф.А. Жилля также пошатнулось, и он отправился на лечение водами в Эмс. Великий князь сообщал об этом К.К. Мёрдеру 8 мая 1833 г.: «Я думаю, что это письмо вас уже застанет в Баден-Бадене, куда г. Жилль намеревается приехать вас навестить» [35. С. 407]. О том же писала Жуковскому Ю.Ф. Баранова в приписке к письму великой княжны Марии Николаевны от 6 (18) мая 1833 г.: «Жиль уезжает» [36. С. 427] (оригинал на фр.). Свидание Жуковского с Жиллем произошло во Франкфурте 19/29 июля 1833 г. [3. Т. 13. С. 386].

[6] Александр Александрович Кавелин (1793–1850), генерал от инфантерии, после К.К. Мёрдера, так и не выздоровевшего от своей болезни и умершего в Риме 24 марта 1834 г., до 1841 г. был воспитателем наследника.

[7] 1 июля в Петергофе традиционно широко праздновался день рождения императрицы Александры Федоровны.

[8] Жуковский при письме от 20 января / 1 февраля 1833 г. послал в подарок цесаревичу три своих портрета, написанных Г. Рейтерном (см. примеч. 2 к письму К.К. Мёрдера): «Я отправил к Вам на сих днях большой пакет писем с подарком на новый год, состоящим из трех моих портретов: эти письма и посылка, возможно, доедут до Вас позднее, нежели мое теперешнее письмо, ибо они почтой отправились во Франкфурт, где будут дожидаться при посольстве нашем, отправляясь с фельдъегерем» [25. Л. 22]. Жуковский предполагал отправить пакет с портретами при письме от 1/13 – 11/23 января 1833 г., однако отозвал его с почты: «Возвратил посылку» [3. Т. 13. С. 348], испугавшись сообщений о неполучении адресатами его писем.

Литература

1. *Русский* архив. 1867. № 12.

2. *Жуковский В.А.* Сочинения : в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 6. 640 с.

3. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. Т. 15: Письма 1795–1817 годов. 1088 с.

4. *Киселев В.С.* Письма Жуковского к великому князю Александру Николаевичу 1850–1852 гг.: публикация и комментарий // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2017. Вып. 3. С. 304–345.

5. *Киселев В.С., Владимирова Т.Л.* Жуковский, революция в Германии и институты имперской пропаганды (по материалам неопубликованной переписки с великим князем Александром Николаевичем) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 165–183.

6. *Киселев В.С.* В.А. Жуковский в судьбе Александра Рейтерна (по материалам писем 1840-х гг. к великому князю Александру Николаевичу) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 21–29.

7. *Киселев В.С.* Сценарии революционного объединения Германии в осмыслении В.А. Жуковского (по материалам публицистики и эпистолярия 1848–1850 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 57. С. 191–205.

8. *Русский* архив. 1897. № 4.

9. *РО ИРЛИ*. № 27903.

10. *Шмидт С.О.* Подвиг наставничества: В.А. Жуковский – наставник наследника российского престола // Русское подвижничество : сб. ст. к 90-летию академика Д.С. Лихачева. М., 1996. С. 187–221.

11. *Янушкевич А.С.* Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2013. Вып. 2. С. 45–76.

12. *Киселев В.С., Жилякова Э.М.* «План учения... наследника цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 125–136.

13. *Сидорова А.Н.* Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности) : дис. … канд. ист. наук. М., 2016. 311 с.

14. *РГАДА*. Разряд 5. Дополнения. № 51.

15. *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : О.Г.И., 2002. Т. 1. 605 с.

16. *Шильдер Н.К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Кн. 2. 820 с.

17. *Николай I*: Личность и эпоха. Новые материалы. СПб. : Нестор-История, 2007. 523 с.

18. *РО ИРЛИ*. № 28146.

19. *Записки* К.К. Мёрдера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826–1832 // Русская старина. 1885. № 2. С. 344–355.

20. *Павлова Ж.К.* Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб. : Нестор-История, 2010. 312 с.

21. *Жуковский*: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 2. 726 с.

22. *Северная* пчела. 1834. № 101.

23. *РО ИРЛИ*. № 27911.

24. *Формулярный* список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. Т. 2: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. Кн. 4: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 1–30.

25. *ГАРФ*. Ф. 728. Оп. 1. № 1680.

26. *Русский* архив. 1883. Кн. 1. № 1.

27. *Архив* братьев Тургеневых. СПб. ; Пг. : Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. академии наук, 1921. Вып. 6. 543 с.

28. *Сон* юности: Записки дочери имп. Николая I, вел. кн. Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской // Николай I: Муж. Отец. Император. М, 2000. URL: http://dugward.ru/library/olga_nick.html#003

29. *Лямина Е.Э., Самовер Н.В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М. : Языки русской культуры, 1999. 560 с.

30. *Сборник* Императорского Русского исторического общества. Вып. 30. Годы учения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего Государя Императора. 1826–1838. СПб., 1880. Т. 1. 494 с.

31. *Повести* и сказки для детей Анны Зонтаг, издательницы повестей для детей первого и второго возрастов. СПб., 1832. 235 с.

32. *Никонова Н.Е., Рудикова Н.А.* В.А. Жуковский и Швейцария: о генезисе историософских мотивов поздней прозы романтика // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 20–26.

33. *Либман М.Я.* Жуковский и немецкие художники // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 297–313.

34. *РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. № 1909б.

35. *Русская* старина. 1886. Т. 50.

36. *Русский* архив. 1895. Кн. 2, № 8.

Children's Letters of Grand Duke Alexander Nikolaevich to Vasily Zhukovsky: Review, Publication, Commentary

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 209–234. DOI: 10.17223/19986645/63/12

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: Russian literature, Russian epistolary culture, correspondence, textual preparation, scientific commentary, Grand Duke Alexander Nikolaevich, Vasily Zhukovsky.

The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF), Grant No.19-18-00083 "Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication".

The article solves the problem of archival sources, textological preparation and scientific commenting on the letters from Grand Duke Alexander Nikolaevich to his mentor, poet Vasily Zhukovsky. They have not been known until today, which created source gaps both in the biography of Emperor Alexander II and in the biography of his educator. Archival searches allowed to find four letters of the Grand Duke in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature and 48 letters in the Russian State Archive of Ancient Acts. All of them underwent textological preparation in accordance with modern requirements, were decoded and provided with textological references. With a detailed scientific commentary, the article publishes 10 child's letters of the Grand Duke of 1826–1833, as well as one letter to Vasily Zhukovsky from Karl Merder, the tutor of the prince. The article describes the composition and chronology of the letters of Grand Duke Alexander Nikolaevich of 1826–1852 and offers their holistic review, which allows us for the first time to completely reconstruct the nature of the epistolary dialogue between the teacher and the student. The Grand Duke's letters are concise and stereotypical in content and communication formulas used. Typically, from a quarter to half of their text is occupied by etiquette expressions: messages about receiving a letter from Zhukovsky, regret about a long separation, congratulations on a certain event, wishes for a happy family life, and, finally, greetings from himself and from the members of the imperial family. This formulaic design is so stable that it immediately puts communication on a role track. The etiquette roles realized by the Grand Duke in correspondence were changing significantly. Thus, the first children's letters of 1826–1833 focus on the communication of a caring teacher and a grateful student. Their central part is occupied by a detailed chronicle of classes, a report on what was completed as part of educational courses with various mentors. Another essential component of the role was the care of the mentor's health. Finally, the third hypostasis of Alexander in his child's letters to Zhukovsky was the role of the chronicler of family and court life. The role-playing organization of the letters of 1840–1852 has a different structure and reflects the new status of Alexander: a family man burdened with numerous household and official activities, but retaining a grateful memory of the former mentor. As a result, home-family themes are an absolute dominant, obscuring even the turbulent political events of 1848–1850. The letters along this family axis contain brief messages about the birth of children, about the health of the wife, himself, the empress and sisters, about regular holidays, for example, about the memorable anniversary of Grand Duke Mikhail Pavlovich, about weddings and losses, as happened with Alexander's sister Alexandra Nikolaevna, about his current duties and trips to Ukraine and the Crimea (1845), Germany (1847), the Caucasus (1850), Tula and Orel (1851). The analysis of the letters allows concluding both about the poet's solid status in the field of the "family monarchy" of Nikolay's reign and about the role assigned to Alexander exclusively as a private person, but not as a subject of power or politics.

References

1. *Russkiy arkhiv*. (1867) 12.

2. Zhukovskiy, V.A. (1885) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: In 6 Vols]. 8th ed. Vol. 6. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Glazunova.

3. Zhukovskiy, V.A. (2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 Vols]. Vol. 15. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK.

4. Kiselev, V.S. (2017) Pis'ma Zhukovskogo k velikomu knyazyu Aleksandru Nikolaevichu 1850–1852 gg.: publikatsiya i kommentariy [Letters From Zhukovsky to Grand Duke Alexander Nikolaevich 1850–1852: Publication and Commentary]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and Materials]. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 304–345.

5. Kiselev, V.S. & Vladimirova, T.L. (2018) Zhukovsky, German Revolution and Institutions of Imperial Propaganda (Based on the Unpublished Correspondence With Grand Duke Alexander Nikolayevich). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.*

Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 52. pp. 165–183. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/52/10

6. Kiselev, V.S. (2018) Vasily Zhukovsky in the Fate of Alexander Reitern (Based on the Letters of the 1840s to Grand Duke Alexander Nikolaevich). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 21–29. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/3

7. Kiselev, V.S. (2018) Scenarios of the Revolutionary Unification of Germany in Vasily Zhukovsky's Reflection (on the Material of Journalistic and Epistolary Works of 1848–1850). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 191–205. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/12

8. *Russkiy arkhiv*. (1897) 4.

9. Manuscript Division of the Institute of Russian Literature. No. 27903. (In Russian).

10. Shmidt, S.O. (1996) Podvig nastavnichestva: V.A. Zhukovskiy – nastavnik naslednika rossiyskogo prestola [The Feat of Mentoring: V.A. Zhukovsky, a Mentor to the Heir to the Russian Throne]. In: Knyazevskaya, T.B. (ed.) *Russkoe podvizhnichestvo* [Russian Selfless Devotion]. Moscow: Nauka. pp. 187–221.

11. Yanushkevich, A.S. (2013) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k tsarstvennym osobam kak fenomen russkoy slovesnoy kul'tury i obshchestvennoy mysli [Letters from V.A. Zhukovsky to Royal Persons as a Phenomenon of Russian Literary Culture and Social Thought]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and Materials]. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–76.

12. Kiselev, V.S. & Zhilyakova, E.M. (2014) "Plan of the Education . . . of Tsarevich Alexander Nikolaevich" in the Context of V.A. Zhukovsky's Pedagogical Legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (32). pp. 125–136. DOI: 10.17223/19986645/57/12/32/9

13. Sidorova, A.N. (2016) *Vospitanie velikikh knyazey v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II (podgotovka k gosudarstvennoy deyatel'nosti)* [The Education of the Great Princes in the Families of Emperors Nicholas I and Alexander II (Preparation for State Activity)]. History Cand. Diss. Moscow.

14. Russian State Archive of Ancient Acts. Rank 5. Supplements. No. 51. (In Russian).

15. Wortman, R. (2002) *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoy monarkhii: v 2 t.* [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy: In 2 Vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: O.G.I.

16. Shil'der, N.K. (1903) *Imperator Nikolay I: Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I: His Life and Reign]. Book 2. St. Petersburg: Izd. A. S. Suvorina.

17. Tsamutali A.N. (ed.) (2007) *Nikolay I. Lichnost' i epokha. Novye materialy* [Nicholas I: Personality and Era]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

18. Manuscript Division of the Institute of Russian Literature. No. 28146. (In Russian).

19. Merder, K.K. (1885) Zapiski K.K. Merdera, vospitatelya tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha. 1826–1832 [Notes by K.K. Merder, Educator of Tsarevich Alexander Nikolaevich. 1826–1832]. *Russkaya starina*. 2. pp. 344–355.

20. Pavlova, Zh.K. (2010) *Florian Zhil' i Imperatorskiy Ermitazh. Zhizn' i sud'ba* [Florian Gilles and the Imperial Hermitage. Life and Fate]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

21. Yanushkevich, A.S. (ed.) (2013) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and Materials]. Is. 2. Tomsk: Tomsk State University.

22. *Severnaya pchela.* (1834) 101.

23. Manuscript Division of the Institute of Russian Literature. No. 27911. (In Russian).

24. Shenk, V.K. (ed.) (1914) *Stoletie Voennogo ministerstva* [Centenary of the War Ministry]. Book 4. Vol. 2. St. Petersburg: t-vo R. Golike i A. Vil'borg. pp. 1–30.

25. State Archive of the Russian Federation. Fund 728. List 1. File 1680. (In Russian).

26. *Russkiy arkhiv.* (1883) 1 (1).

27. Kul'man, N.K. (ed.) (1921) *Arkhiv brat'ev Turgenevykh* [Archive of the Turgenev Brothers]. Is. 6. St. Petersburg; Petrograd: Department of the Russian Langage and Literature of the Russian Academy of Sciences.

28. Grand Duchess Olga Nikolaevna, Queen Consort of Württemberg. (2000) Son yunosti: Zapiski docheri imp. Nikolaya I , vel. kn. Ol'gi Nikolaevny, korolevy Vyurtembergskoy [A Dream of Youth: Notes of the Daughter of Emperor Nicholas I, Grand Duchess Olga Nikolaevna, Queen Consort of Württemberg]. In: Azarova, N.I. *Nikolay I: Muzh. Otets. Imperator* [Nicholas I: Husband. Father. Emperor]. Moscow: Slovo. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/olga_nick.html#003.

29. Lyamina, E.E. & Samover, N.V. (1999) *"Bednyy Zhozef": Zhizn' i smert' Iosifa Viel'gorskogo: Opyt biografii cheloveka 1830-kh godov* ["Poor Joseph": The Life and Death of Joseph Vielgorsky: The Experience of a Biography of a Person of the 1830s]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

30. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva*. (1880) 30. Gody ucheniya Ego Imperatorskogo Vysochestva Naslednika Tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha, nyne blagopoluchno tsarstvuyushchego Gosudarya Imperatora. 1826–1838 [The Years of the Instruction of His Imperial Highness Heir Tsesarevich Alexander Nikolaevich, Now the Reigning Emperor. 1826–1838]. Vol. 1.

31. Zontag, A. (1832) *Povesti i skazki dlya detey* [Stories and Fairy Tales for Children]. St. Petersburg: Tipografiya A. Smirdina.

32. Nikonova, N.E. & Rudikova, N.A. (2013) V.A. Zhukovsky and Switzerland: On the Origin of Historic and Philosophic Motives of the Romanticist's Late Prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 374. pp. 20–26. (In Russian).

33. Libman, M.Ya. (1980) Zhukovskiy i nemetskie khudozhniki [Zhukovsky and German Artists]. In: Rostotskiy, B.I. et al. (eds) *Vzaimosvyazi russkogo i sovetskogo iskusstva i nemetskoy khudozhestvennoy kul'tury* [Relations Between Russian and Soviet Art and German Art Culture]. Moscow: Nauka. pp. 297–313.

34. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 195. List 1. Unit 1909b. (In Russian).

35. *Russkaya starina.* (1886) 50.

36. *Russkiy arkhiv*. (1895) 2 (8).